

Рудольфа завалили шубами

ОЛЬГА ГЕРДТ

В Государственном Кремлевском дворце прошел первый из двух запланированных гала-концертов «Бриллианты мирового балета — Рудольфу Нуриеву». Одно из последних в череде прошедших за этот год по всему миру мероприятий памяти танцовщика, умершего десять лет назад, организовали Российская хореографическая ассоциация и фонд «Бриллианты мирового балета».

В том, что особых резонансов помянуть Рудольфа именно в Москве нет, убедил уже полупустой зал Кремлевского дворца. В столице Нуриев не жил, не танцевал (если не считать приезда еще в составе уфимской труппы в Большой театр в рамках Дней башкирской культуры где-то в пятидесятые), а посему в культурной памяти не особенно отпечатался. Неудивительно, что и организаторы к святому поводу отнеслись с пиететом, но без особой деликатности. Десять лет со дня смерти и шестьдесят пять со дня рождения — отличный случай назвать в Первопрестольную звезд, не рискуя нарваться на отказ. Не более.

Проколы следовали один за другим, начиная с выхода на сцену двух французов (один снял фильм о Нуриеве, другой заведует Парижской синематекой танца). После того как русскому парижанину, журналисту Виктору Игнатову не очень удалась светская беседа с гостями, зрителям показали черно-белый фильм о выступлении Нуриева в Сполетто. По легенде фильм этот, снятый в 1964 году, был сначала потерян, а потом чудом найден. Двадцать минут занудного зрелища заставили в легенде усомниться. Скорее всего, или сам Нуриев запретило его показывать, или фильм не проходил по качеству. Слепая съемка, перегруженная высокопарным комментарием. Только специалистам интересный процесс репетиций «Раймонды» — с Фонтейн и Нуриевым (оба не в лучшей форме). Наконец, по причине пиетета не сокращенный текст Нуриева, несущего советские благоглупости о том, что «классика — это стержень» и, владея ею, можно танцевать и модерн, и джаз, и что душе угодно.

Третий прокол организаторов заставил публику взвизгивать в буквальном смысле слова. В начале второго отделения, когда невеста откуда появившиеся манекенщицы вдруг взялись продемонстрировать шубы модного дизайнера, зрители начали свистеть и дружно скандировать: «Позор!» Публика не желала облизываться, разглядывая дорожные меха, а хотела получить именно то, за что уже заплатила, — бриллианты мирового балета.

Шубы, надо сказать, были не так уж плохи. Во всяком случае их не хотелось пересыпать нафталином, как иные номера программы. «Прощание» хореографа Чменгеллера — приторный любовный дуэт в исполнении солистов American Ballet Theatre (ABT) Ирины Дворовенко и Максима Белоцерковского — можно было приписать какому-нибудь целомудренному советскому классическому семидесятым. Номер балетного руководителя Венской оперы Ренато Занеллы «Встреча Штрауса с Верди» вполне годился для Анастасии Волочковой (для нее Занелла тоже ставил), но явно дискредитировал Симону Ножа, которой дано больше, чем просто задираать ноги, качаться на пуантах и размахивать руками. Наконец, гениальная «Павана мавра» Хосе Лимона благодаря любимому танцовщику Нуриева Шарлю Жюду (трех его партнеров почему-то не назвали) была исполнена так, что балет показался безнадежно устаревшим. Отелло Жюда было не отличить от стареющего Каренина. А в состоянии аффекта, то есть в боевой готовности задушить Дездемону, он находился почему-то уже в самом начале балета.

Если бы не второе отделение (не считая дефиле шуб), можно было решить, что балетный мир уснул с уходом Рудольфа. Отличные Nomads («Кочевники») Тима Раштона в исполнении Алексея Ратманского и Мари-Пьер Грев (оба представляли Датский Королевский балет) заставили пожалеть о том, что Ратманский так рано меняет карьеру танцовщика на кресло руководителя балета Большого театра. После Нуриева и Барышникова он чуть ли не единственный русский, на практике доказавший, что русской классической школы мало, чтобы танцевать модерн и джаз. Великолепная Лорена Фейхо исполнила Fade to Black Вэла Канепороли в паре с бывшим нашим соотечественником Юрием Посоховым (оба солисты Балета Сан-Франциско). Словно созданная для балетов Форсайта с их суставными вывихами и сложно закрученными структурами, Фейхо под нежнейший шансон Жака Бреля сверлила сцену пуантами, безоглядно бросалась на руки партнеру и резко отбрасывала его, как надоевшую вещь. Этот номер, как и Slingerland Форсайта, технично и едко станцованный Симоной Ножой и Джузеппе Пикконе, а также па-де-труа из «Лебединого озера» в исполнении звезд Opera de Paris Аньес Летестю, Жозе Мартина и Вильфрида Ромоли, реабилитировали заваленный шубами и хореографическим старьем вечер.

Второе отделение выглядело вполне достойным и европейским. Единственное, что не позволяло забыть о том, где дело происходит, — это портрет Нуриева, четыре часа живым укором торчавший на сцене. Артисты, танцевавшие на фоне соска и волосатой груди гения (см. фото), очевидно, должны были помнить, чьей грудью вскормлены. Что, конечно, форменное, но чисто московское язычество.

По воле организаторов концерта за звездами мирового балета весь вечер присматривал сам Рудольф Нуриев. На сцене — солистка Датского Королевского балета Мари-Пьер Грев в номере Nomads. Фото: ИТАР-ТАСС

Нуриев Вульфс

17.10.03